

Ю. А. Ландер

Институт востоковедения РАН, Москва

**ПРИЧАСТНЫЕ КОНСТРУКЦИИ
ИЛИ
НЕКАТЕГОРИАЛЬНОЕ ПОДЧИНЕНИЕ?**

1. Введение *

В типологической литературе распространена точка зрения, согласно которой препозитивные релятивные/относительные конструкции (т. е. конструкции, в которых относительная предикация предшествует определяемому имени) обычно используют нефинитные глагольные формы¹ (см., например, [Keenan 1985: 160]). Напри-

* Статья основана на докладе, представленном на I Международном конгрессе кавказоведов (Тбилиси, октябрь 2007 г.). Материалом послужил в первую очередь корпус текстов на ниджском диалекте удинского языка, собранный автором совместно с Д. С. Ганенковым и Т. А. Майсаком в 2002—2006 гг. За обсуждение высказываемых идей автор признателен участникам Конгресса, а также Д. С. Ганенкову и Т. А. Майсаку. Большую помощь оказали также В. Дабаков, Д. Куранхой и С. Талыбова. Никто из них не несет ответственность за материал и его трактовку. Сбор материала в разные годы финансировался Институтом востоковедения РАН и Российской академией лингвистических наук.

¹ Здесь под финитностью подразумевается способность формы выступать в качестве сказуемого независимого повествовательного предложения. В разд. 5.3 будет показано, что понятие финитности представляет собой более сложный признак, применимый не столько к формам, сколько к предикациям.

мер, в русском словосочетании [**плывущие по небу**] *облака*² в качестве сказуемого относительной предикации выступает нефинитная форма *плывущие*. Подобные формы, именуемые *причастиями*, изображаются в качестве своего рода «глагольных прилагательных» [Lehmann 1984: 156] — действительно, в приведенном примере форма *плывущие* занимает относительно определяемого имени позицию, в которой обычно располагаются определения-прилагательные, и, будучи маркирована согласовательными категориями числа и падежа, обнаруживает словоизменительные признаки прилагательных.

Но как и ряд других понятий, выработанных на материале крупных европейских языков, понятие причастия оказывается тяжело применимым при описании многих языков, отклоняющихся от «среднеевропейского стандарта». Весьма показательны в этом отношении представители нахско-дагестанской семьи: в них формы, выступающие в функции сказуемого препозитивных относительных предикаций, зачастую встречаются и вне рассматриваемых конструкций, в частности, в простых независимых предложениях³. Это явление специально рассматривается в работах [Калинина 1999] для багвалинского языка, [Kalinina, Sumbatova 2007] — для багвалинского, ицаринского даргинского и цахурского языков и [Creissels 2006] — для ахвахского языка, но на деле распространено гораздо шире.

Ниже в этой связи обсуждаются данные ниджского диалекта удинского языка, в котором суффиксы, маркирующие сказуемые относительных предикаций, встречаются и в сказуемых независимых предложениях. Раздел 2 представляет собой краткое описание относительной конструкции в ниджском диалекте. Далее на разнородном материале (включающем как релятивные построения, так и некото-

² Здесь и далее в аналогичных примерах относительные предикации (без вершины именной группы) заключены в квадратные скобки, а обсуждаемые формы выделены жирным шрифтом.

³ В типологической перспективе использование «нефинитных» форм в независимых предложениях детально обсуждается в монографии [Калинина 2001]. Возможно, что некоторые из рассматриваемых в этой связи языков все же противопоставляют финитные и нефинитные формы супrasegmentными средствами (ср. [Authier, *forthc.*₂] о будухском) — хотя всегда ли такие противопоставления должны включаться в описание глагольной словоизменительной системы, автору не вполне очевидно.

рые другие) описываются три подхода к проблеме тождественного маркирования релятивных и независимых сказуемых: подход, постулирующий омонимичные зависимую и независимую формы (раздел 3), подход, предполагающий использование причастий в независимом предложении (раздел 4), и подход, отрицающий наличие в удинском языке категории причастия (раздел 5). В разделе 6 рассматриваются конструкции, сходные с относительными и свидетельствующие в пользу последнего из рассмотренных подходов. Наконец, раздел 7 содержит выводы и некоторые гипотезы, которые нуждаются в дополнительной проверке.

2. Относительная предикация vs. независимое предложение

2.1. «Причастная стратегия»

Как и в других нахско-дагестанских языках, в ниджском диалекте удинского языка преимущественно используется стратегия построения релятивных конструкций, характеризуемая в кавказоведении как *п р и ч а с т н а я*. Примеры ее даны в (1): речь идет об именных группах ‘на земле, существующей в Нидже’ и ‘место под названием Ялойлу-Тапа, которое существовало еще 2400—2500 лет назад на ниджской земле’⁴.

(1) [[niʒI-e bak-ala] oʃIal-a p:aI hazar bip: baʃI —
 Нидж-DAT быть-*ala*⁵ земля-DAT два тысяча четыре сто
 p:aI hazar qo baʃI usen mo-t:oxun beIʃI bak-i]
 два тысяча пять сто год PROX-NO-ABL перед быть-*i*
 jalojlu-täpä c:ila ga-no
 Ялойлу-Тапа по.имени место=COP:3SG

Есть место под названием Ялойлу-Тапа, которое еще две тысячи четыреста — две тысячи пятьсот лет назад существовало на ниджской земле.

⁴ В этом примере одна относительная конструкция вложена в другую.

⁵ Здесь и далее суффиксы *-i*, *-al* и *-ala* не получают условного обозначения в строке морфологического разбора во избежание навязывания каких-либо их трактовок.

Основные признаки нахско-дагестанской «причастной стратегии» таковы:

(i) лексическое описание определяемого референта (в приведенном примере это *oʃal-a* ‘на земле’ и *ga* ‘место’) находится вне относительной предикации, но образует вместе с ней единую синтаксическую группу; в терминологии [Кееран 1985] это относительная конструкция с «внешней вершиной»;

(ii) относительная предикация в норме предшествует определяемому имени (если оно вообще присутствует в предложении)⁶;

(iii) в конструкции отсутствует какое-либо специальное союзное слово или относительное местоимение, маркирующие подчинение.

Кроме того, в причастной стратегии в нахско-дагестанских языках в целом и в удинском в частности действует ряд критериев, по которым относительная предикация противопоставляется независимой. Ниже будут рассмотрены пять признаков, позволяющих противопоставить относительные и независимые предикации:

- в отличие от независимой предикации, в относительной имеются ограничения на порядок слов;
- в отличие от большинства видов независимой предикации, в относительной предикации отсутствуют показатели личного согласования;
- относительные конструкции обнаруживают некоторые особенности маркирования семантических актантов;
- отрицание в относительных предикациях маркируется иначе, чем в большинстве видов независимых предикаций;
- в относительных предикациях представлена иная видо-временная система, чем в независимых предикациях.

2.2. Порядок слов в релятивных предикациях

По сравнению с независимыми предложениями, в относительной конструкции наблюдается более жесткий порядок слов: сказуемое

⁶ Для некоторых нахско-дагестанских языков (годоберинского, цахурского, хваршинского и др.) зафиксирована и постпозиция относительных предикаций, в остальном соответствующих критериям, предьявляемым «причастной стратегии».

должно замыкать релятивную предикацию. В независимых предикациях конечное расположение сказуемого — не более чем тенденция. Ср. следующие примеры:

- (2) [za-χun tac-i] χüjār-мов-on-al zu-al p:aI kārān
 я-ABL уходить-*i* девушка-PL-ERG=ADD я=ADD два раз
 äči-jan-p-i
 танцевать=1PL=LV-*i*
Девушки, которые пошли со мной, и я два раза танцевали.
- (3) va jaq:a-b-es ba-ne-k-o ko-t-oxun
 ты:DAT посылать-LV-INF быть=3SG=ST-POT MED-NO-PL+ABL
Тебя можно отправить с ними.

В относительной конструкции (2) комитативная именная группа ('со мной'), оформленная аблативным падежом, обязана предшествовать сказуемому, а в независимом предложении (3) комитативная группа ('с ними'), как видно, может располагаться в конце.

2.3. Наличие/отсутствие личных показателей

В относительной предикации отсутствуют личные показатели, обязательные для большей части независимых предложений (исключение составляют императивы единственного числа, гортативные высказывания и некоторые другие периферийные конструкции). Ср. релятивную конструкцию в (4) без личного показателя и структурно параллельное независимое предложение (5), включающее личный показатель *-e*⁷:

- (4) [kiravabad-aχun har-i] joldaš-χo-n-al
 Кировабад-ABL приходить-*i* друг-PL-ERG=ADD
И друзья, которые приехали из Кировабада...
- (5) t:aji-n äjl-uχ äsk:ärluv-aχun-e har-e
 брат.матери-GEN ребенок-PL служба-ABL=3SG приходить-PERF
Дядины дети приехали из армии.

⁷ В ниджском удинском регулярно встречается использование личного показателя 3 лица единственного числа при согласовании со множественным актантом.

Личные показатели могут присоединяться не только к глаголу, но и ко многим другим компонентам предложения (см. в особенности [Harris 2000; 2002]) — например, в (5) личный показатель присоединяется к именной группе. Из этого следует, в частности, что эти показатели не противопоставляют разные формы глагола (см. также разд. 4.2).

2.4. Выражение семантических актантов

Относительные предикации не могут содержать лексическую (неместоименную) именную группу мишени — участника ситуации, описываемой зависимой предикацией, отождествляемого с участником ситуации, представленной в матричной предикации. Соответственно, выражения вроде (6) в удинском языке запрещены (хотя некоторые языки допускают похожие построения; см. [Keenan 1985: 152—153]):

- (6) *[zu **amdar-a** tängä tad-i] dost:
я человек-DAT деньги давать-*i* друг
(друг такой, что я (этому) человеку отдал деньги)

Интересно, что отсутствие именной группы не указывает однозначно на то, какой участник относительной предикации является мишенью. Это связано с тем, что, во-первых, в удинском дискурсе именные группы опускаются довольно свободно и, во-вторых, группа мишени вообще не всегда «восстановима» в относительной предикации. В этом отношении для удинского языка в какой-то степени верно заключение, сделанное в статье [Comrie, Polinsky 1998] для «причастной стратегии» в родственном цезском языке: информация о том, какой участник относительной предикации является мишенью в первую очередь извлекается из контекста и лексической семантики компонентов относительной конструкции. В (7), например, роль мишени в релятивной предикации не вычисляется из ее синтаксической структуры.

- (7) [bava-n uk:-ala] χüjär-al haq:-e-t:un
отец-ERG говорить-*ala* девушка-DAT+ADD брат-*PERF=3PL*
...брали девушку, которую скажет отец.

Тем не менее, обязательное отсутствие лексической именной группы мишени, безусловно, помогает ее опознанию и, кроме того, противопоставляет относительные предикации независимым (независимые индикативные предикации теоретически допускают выражение всех актантов). Впрочем, в очень редких случаях вместо мишени все же может появляться рефлексивное местоимение, функционирующее как резюмтив; в (8) резюмтив появляется в позиции объекта послелого *boš* ‘внутри’:

- (8) [zu **iz** **boš** arc-i] aft:obus
 я свой внутри сидеть-*i* автобус
 автобус, в который я сел

В первом приближении, относительные конструкции обнаруживают еще одно отличие в том, что касается оформления именных групп: отдельные семантические актанты сказуемого относительной предикации иногда меняют падежное маркирование на генитивное. Ср. именную группу ‘три народа’ в следующем примере:

- (9) niIži ham=al **χib** **χalg-e** [jäšajns-ala] ajiz-mov-oχun
 Нидж тоже=ADD три народ-GEN жить+LV-*ala* село-PL-ABL
 sov-o-ne.
 один-NA=3SG
 Нидж — еще и одно из сел, где живут три народа.

В [Lander, in prep.], однако, показывается, что в отличие от схожих конструкций в некоторых других языках ареала, здесь генитивные группы не входят в относительную предикацию.

2.5. Выражение отрицания

Для независимых повествовательных предложений наиболее типичен показатель отрицания *te* (к которому обязательно присоединяется личный показатель). В относительных предикациях используется иной маркер — отрицательная клитика *ni-*. Ср. независимую предикацию (10) и релятивную предикацию (11):

- (10) **bezi** bava-n za a-**te-ne-k**-ijo
 мой отец-ERG я:DAT видеть=NEG=3SG=ST-PERF2
 Мой отец меня не видел.

- (11) [ʃo-t:-in nu-ak:-i] q:onaχ
 DIST-NO-ERG NEG=видеть-*i* гость
гость, которого он не видел

2.6. Глагольное словоизменение

Сказуемые относительных предикаций в удинском языке обнаруживают меньше видо-временных противопоставлений⁸, чем независимые; ср. (12):

- (12) Глагольные формы в независимых и относительных предикациях

«Базовые» глагольные формы — глагольные формы в независимых индикативных предикациях	Глагольные формы в относительных предикациях
Аорист (- <i>i</i>)	Прошедшее (- <i>i</i>)
Перфект (- <i>e</i>)	
Перфект II (- <i>ijo</i>)	
Презенс (- <i>sa</i>)	Непрошедшее (- <i>al(a)</i>)
Будущее I (- <i>al</i>)	
Будущее II (- <i>ala</i>)	
Модальное будущее (- <i>o</i>)	

Релятивные сказуемые оформляются одним из двух суффиксов: -*i* (прошедшее время) или -*al(a)* (непрошедшее время)⁹; ср. примеры (13)—(14).

⁸ Термин «видо-временной» используется здесь с некоторой долей условности, поскольку рассматриваемая парадигма затрагивает как видовые и временные, так и модальные значения.

⁹ В грамматике [Джейранишвили 1971] выделяются причастия настоящего времени (с суффиксом -*al*) и образованные от них причастия будущего времени (с показателем -*al-a*). В действительности, ни данные варташенского диалекта, ни тем более данные ниджского диалекта не позволяют противопоставить для сказуемых относительных предикаций настоящее и будущее время. Следует подчеркнуть, что, судя по всему, суффиксы -*i* и -*al(a)* в относительных предикациях могут указывать как на абсолютное время (когда в качестве точки отсчета берется момент речи), так и на относительное/таксис (в этом случае время ситуации, обозначенной зависимой предикацией, определяется относительно времени главной предикации).

- (13) t:e vaχt: beİİ udi-n muz-in cam-uruχ-al
 DIST время наш удин-GEN язык-INS письмо-PL=ADD
 bak-e-ne, [bip:imži — qomži bačİusen-ast:a fikir-b-i]
 быть-PERF=3SG четвертый пятый столетие-AD думать-LV-İ
 cam-uruχ.
 письмо-PL

В древности у нас удинская письменность тоже была, в IV—V веках придуманные письма.

- (14) ...nä-l [t:e jaq: č:ovak-ala] sun-t-u
 либо=ADD DIST дорога проходить-ala один-NO-DAT
 ta=jan-st:a
 давать=1PL=ST+PRS

...или же кому-нибудь, кто идет той дорогой, отдаем.

Вариант оформления *-al* в ниджском диалекте обычно не используется, но представлен в варташенском диалекте (ср. варташенский пример *še-t-in b-al / b-ala aš* [тот-NO-ERG делать-*al* / делать-*ala* дело] ‘им совершаемое, выполняемое дело’ из [Джейранишвили 1971: 306]). Впрочем, алломорф *-al* все же появляется в ниджском диалекте в отсутствие определяемого имени, когда релятивное сказуемое оформляется показателем субстантивации (см. пример (18) ниже).

Суффиксы *-i* и *-al(a)* в синтаксических контекстах вроде (13)—(14) нередко описываются как показатели причастий. Если исходить из того, что причастия — это отглагольные прилагательные, то образуемые этими морфемами формы подходят под это определение, поскольку они в большой степени имеют синтаксическую дистрибуцию прилагательных. В роли определения как формы на *-i* и *-al(a)*, так и прилагательные предшествуют определяемому имени (ср. примеры 15 и 16), а в роли вершины именной группы оба класса слов требуют присоединения суффиксов субстантивации (примеры 17 и 18).

Функция определения:

- (15) ... me mac:i gözäl χüjär-al
 PROX белый красивый дочь-DAT+ADD
... и эту белую красивую дочь.

- (16) *mija hălă [uk-ala] šej-o*
 PLOC пока есть-*ala* вещь=COP:3SG
Здесь пока есть кушанье (букв. вещи, которые едят).

Функция вершины именной группы:

- (17) *kala-t-ov-oj t:oloIχ p:ap:uruc: te-ne zap:-e*
 большой-NO-PL-GEN возле сигарета NEG=3SG тянуть-LV:PRS
Рядом со старшими не курят.
- (18) *bak-al-t-uχun u-jan-k-sa, ul-jan-v-sa*
 быть-*al*-NO-ABL есть=1PL=ST-PRS пить=1PL=ST-PRS
Что есть (букв. из того, что есть) едим, пьем.

Сложнее обстоит дело с позицией независимого сказуемого. Иногда прилагательные в этой функции употребляются с бытийным глаголом, выступающим в качестве связки (19), в других случаях, однако, они бытийного глагола не требуют (20):

- (19) *t:e p:olv-o ögä-ne bak-sa*
 DIST два-NA чужой=3SG быть-PRS
Другие две были неродные (дочери).
- (20) *gele iräzi-zu va-χun*
 много довольный=1SG ты-ABL
Я очень тобой доволен.

Формы с суффиксами *-i*, *-al* и *-ala* в этой функции чаще употребляются без связки (хотя встречаются и сочетания *-i* и *-ala* с бытийным глаголом; см. разделы 3.3 и 3.4):

- (21) *šähär-e cir-i-z*
 город-DAT спускаться-*i*=1SG
В городе я вышел (из машины).
- (22) *p-i-ne, tav-al-nu, ak:-al-nu*
 говорить-*i*=3SG уходить-*al*=2SG видеть-*al*=2SG
Он сказал: «Поедешь — увидишь!»
- (23) *šo-t-ov-o bütüm žoj-b-ala-jan-ne*
 DIST-NO-PL-DAT все делить-LV-*ala*=1PL=еще
Мы должны же их всех поделить.

Примечательно, что в таких примерах эти формы чаще описываются уже как «базовые», независимые (ср. 12): форма на *-i* (21) — как форма аориста, формы на *-al* (22) — как формы будущего I (основного будущего), форма на *-ala* (23) — как форма будущего II, обычно имеющего оттенок долженствования¹⁰. Это возвращает нас к проблеме противопоставления базовых форм и причастий. Далее мы обсудим несколько подходов к данной проблеме.

3. Омонимия причастий и базовых форм?

3.1. Семантическое противопоставление

Ряд описаний глагольной системы удинского языка фактически постулируют на синхронном уровне омонимию причастий и аналогичных базовых глагольных образований (см., например, [Harris 2002; Майсак, наст. сб. 1]): в глагольную парадигму включаются две пары внешне одинаковых, но функционально различающихся форм¹¹.

Наиболее очевидный аргумент в пользу такого подхода связан с тем, что базовые и «причастные» формы имеют разные семантические функции: формы на *-i* и *-ala* в относительных предикациях могут встречаться в контекстах, в которых в независимых предложениях ожидалось бы использование других форм. В этом отношении показателен пример (24), где глагол *kal-p-es* ‘учиться’ сперва выступает в независимой предикации в форме перфекта, а затем в относительной в форме на *-i*, по-видимому, в том же значении:

(24) *kalna-j* *viči-muχ-al* *bu-ne*, *šo-t:ov-on-al*
бабушка-GEN брат-PL=ADD COP=3SG DIST-NO-PL-ERG=ADD

¹⁰ О семантике будущего I и будущего II см., прежде всего, [Майсак, наст. сб. 2].

¹¹ Термин «омонимия» используется здесь довольно широко и включает в том числе и гетеросемичные пары, которые могут быть связаны диахронически.

k:al-p-e:t:un, [**k:al-p-i**] amdar-χo:t:un

учиться-LV-PERF=3PL учиться-LV-*i* человек-PL=3PL

У бабушки и брата есть, они учились, образованные (букв. учившиеся) люди.

То же демонстрирует и (25), где *-ala* в относительной предикации указывает на настоящее время / время, совпадающее с точкой отсчета (в независимом предложении, естественно, ожидалась бы форма настоящего времени):

(25) **šo-t-t-ajna** [**här** **žürä** **beš** **ük:e** **bak-ala**]
DIST-NO-BEN каждый отдельный наш сердце-DAT быть-*ala*

he-t-t-u arzu=jan-b-sa

что-NO-DAT желать=1PL=LV-PRS

*Ему мы желаем это самое, что у каждого есть на сердце.*¹²

Любое описание, не противопоставляющее формы на *-i* и *-ala* в главных и подчиненных предложениях, должно каким-то образом объяснить такое семантическое несоответствие.

3.2. Синтаксическая дистрибуция

Другой аргумент основывается на допущении, что все формы, способные возглавлять независимое предложение, относятся к одному формальному классу с едиными синтаксическими свойствами. Поскольку большая часть представителей этого класса не выступает в качестве сказуемых относительной предикации, это ограничение проецируется на все финитные формы — тем самым выделяя релятивные формы на *-i* и *-ala* в другой класс и противопоставляя их своим финитным омонимам.

Очевидно, что такая аргументация должна жестко связывать глагольные формы и типы возглавляемых ими предикаций. Так, финитные формы фактически привязываются к независимым предикациям. Следуя этой логике, естественно считать, что относительные

¹² Местоимение *he-t-t-u* здесь используется как заместитель вершины относительной конструкции, что связано со сложностями адекватной номинации вершины. Об этой функции данного местоимения см. подробнее [Ganenkov et al., forthc.].

предикации в свою очередь возглавляются формами, относящимися к особому синтаксическому классу причастий. Однако выделение такого класса для удинского языка несколько проблематично, в частности, потому, что, помимо относительных конструкций, подчиненные формы на *-ala* и *-i* появляются и в других нефинитных контекстах; см. раздел 6. Вместе с тем, напрашивающееся отождествление форм в разных нефинитных контекстах ведет к отказу от принципа соответствия типа предикации и глагольной формы, лежащего в основе обсуждаемого подхода.

Для постулирования отдельной категории причастия необходимо отыскать контексты, в которых трактовка обсуждаемой формы как причастной, т. е. возглавляющей синтаксическую группу, описывающую участника ситуации, была бы наиболее адекватной, а простое описание формы как нефинитной было бы недостаточным. В удинском языке имеется несколько кандидатов на такие конструкции — это образования, состоящие из форм на *-ala* и *-i* и глагола *bak-es* ‘быть, становиться’, и использования форм на *-ala* в качестве главного предиката со специальным отрицанием *ni-*, не свойственным финитным сказуемым. Ниже мы рассмотрим эти конструкции более подробно.

3.3. Конструкция *-ala* + бытийный глагол

Конструкция с формой на *-ala* в сочетании с глаголом *bak-es* ‘быть, становиться’ показана в следующих примерах:

- (26) *bandit: biq:s-ejnak: har-i p:aI tan üše*
 бандит ловить-INF-BEN приходить-*i* два человек ночью
sun-t:aj koj-a mand-ala-ne bak-i
 один-NO-GEN дом-DAT оставаться-*ala*=3SG быть-*i*
В погоне за бандитом двоим пришлось остановиться в доме
некоего (человека). [Keçaari 2001: 132]
- (27) *me biring-e, dümäli, sa vi mo-t:o*
 PROX рис-DAT итак один день PROX-NO-DAT
tad-ala-t:un bak-sa
 давать-*ala*=3PL быть-PRS
Этот рис, например, однажды должны дать ему.

- (28) ägär me äš **düz-bak-ala** **bak-aji-n**
если PROX работа получаться-LV-*ala* быть-COND=2/3SG
χüjär-i bava-n neχ-e-ki **flan** **vi-n-e**
девушка-GEN отец-ERG говорить:PRS=3SG=COMP некий день-O-DAT
beš k:oj-a ej-es **ba-nan-k-o**
наш дом-DAT приходить-INF быть=2PL=ST-POT
*Если дело идет на лад, отец девушки говорит, дескать, в та-
кой-то день вы можете прийти к нам домой.*

Основное значение этой конструкции — значение долженствования (26)—(27). Кроме того, она встречается в протазисе условного предложения с бытийным глаголом в условной форме (28).

Казалось бы, глагол *bak-es* ‘быть’ функционирует здесь как связка и выполняет ту же роль, что в конструкции с прилагательным (19). Если базовые формы интерпретируются как финитные, способные в сочетании с другими необходимыми средствами (вроде личных показателей) образовывать самостоятельные высказывания, они не должны требовать связки. Следовательно, можно было бы думать, в этой конструкции используется не та форма, что наблюдается в независимых предложениях.

Проиллюстрируем представление, предполагающее связочную функцию бытийного глагола, следующим примером:

- (29) mo-t:o **tad-ala-t:un** **bak-sa**
PROX-NO-DAT давать-*ala*=3PL быть-PRS
Ему вынуждены дать (это).

Согласно рассматриваемому гипотетическому представлению, форма на *-ala* в (29) возглавляет присвязочное дополнение. Тогда фактически она должна быть вершиной относительной предикации *mo-t-o ta-d-ala* ‘дающие (это) ему’, а все предложение должно переводиться как ‘(Они) есть дающие (это) ему’, т. е. представлять собой эквативную конструкцию, устанавливающую отношения характеристики между именными группами (одна из которых, подлежащее, в (29), впрочем, опущена).

Очевидно, что если это представление верно, должны выполняться следующие два требования: (i) подлежащее должно стоять в абсо-

лютивном падеже, как этого требует глагол ‘быть’, и (ii) смысловой глагол (т. е. глагол в форме на *-ala*) должен образовывать синтаксическую группу, проявляющую свойства относительной предикации. Однако ни одно из этих требований не выполняется.

Во-первых, все актаны в конструкции получают падежное оформление в соответствии с их ролью в ситуации, обозначенной смысловым глаголом. Так, (30) показывает, что в этих конструкциях агенс и прямое дополнение сохраняют эргативный и дативный падеж, а абсолютивной группы в предложении может не быть вовсе:

- (30) $\chi aI-j-en$ $q:ejraz$ $amdar-a$ **ak:-ala** **bak-aji-n**
 собака-O-ERG другой человек-DAT видеть-*ala* быть-COND=2/3SG
baIp-k:-al-e
 лаять-LV-*al*=3SG
Если собака увидит чужого, залает.

Во-вторых, смысловой глагол не образует вместе со своими зависимыми относительную предикацию. На это указывает позиция личных показателей, которые могут располагаться и на зависимых от него именных группах (в то время как для групп, зависимых от релятивных сказуемых, такое невозможно; см. раздел 2.3). Ср. (31), в котором личный показатель находится на косвенном дополнении:

- (31) $zu=al$ *случайно* $bäkü-n-a=z$ **tav-ala** **baj**
 я=ADD случайно Баку-O-DAT=1SG уходить-*ala* быть+*i*
А мне случайно надо было ехать в Баку.

Впрочем, это не касается употребления сочетаний форм на *-ala* с бытийным глаголом в условных конструкциях, поскольку, как показано в [Harris 2002], условная форма глагола (а именно в этой форме стоит здесь глагол ‘быть’) всегда требует, чтобы личный показатель присоединялся именно к ней; см. (28), а также:

- (32) za **k:al-k:-ala** **bak-aj-n,** $up-a-ki$
 я:DAT звать-LV-*ala* быть-COND=2/3SG говорить-IMP=COMP
k:oj-a **te-ne**
 дом-DAT NEG=3SG
Своей жене он говорит: если меня будут звать, скажи, что (меня) нет дома.

Семантика конструкции тоже говорит не в пользу трактовки формы на *-ala* как причастия — по крайней мере это касается независимых употреблений сочетания формы с суффиксом *-ala* и бытийного глагола. Создается впечатление, что вне условных конструкций глаголы, оформленные *-ala*, в сочетании с бытийным глаголом выступают только в значении долженствования, т. е. в значении, которое присуще как раз «базовым формам» и в лучшем случае маргинально для «причастий».

Тем не менее, приведенные факты противоречат лишь трактовке рассматриваемой конструкции как эквативного предложения, но не могут приниматься в качестве окончательных аргументов против участия в ней морфологических форм причастия. Свойства вершины в этой конструкции проявляют как форма на *-ala* (она не ограничивает расположение личных показателей и определяет падеж подлежащего), так и бытийный глагол (именно он является локусом морфосинтаксического маркирования в условных конструкциях). Из этого следует, что сочетание формы на *-ala* с бытийным глаголом представляет собой грамматикализованную аналитическую конструкцию, которая, в принципе, может иметь фиксированное значение, не определяемое отношениями между ее частями. Значение долженствования — равно как и глагольное управление — могут быть лишь следствием грамматикализации/фиксации этой конструкции. Синхронно она не представляет собой аргумент ни за, ни против существования отдельной категории причастий.

3.4. Результативная конструкция *-i* + бытийный глагол

Конструкция с формой на *-i* и глаголом *bak-es* — в отличие от предыдущей рассмотренной конструкции — встречается крайне редко; в частности, в нашем корпусе устных текстов она не отмечена вовсе. Тем не менее, допустимы и такие сочетания¹³:

¹³ Следует сказать, что более естественным выражением значения, выраженного в (33), признается аналогичное предложение с прилагательным *kačI* 'привязанный': *čur χod-aχup kačI-e bak-sa* [корова дерево-ABL привязанный=3SG быть-PRS].

- (33) *čur* *χod-aχun* *ваč:I-ec-i-ne* *bak-sa*
 корова дерево-ABL быть.связанным-LV-*i*=3SG быть-PRS
Корова привязана к дереву.

В нашем распоряжении имеется слишком мало примеров данной конструкции, чтобы делать какие-то выводы. Обычно она выражает результативное значение, т. е. указывает на состояние, которое, возможно, наступило в результате некоторого предшествующего действия, обозначенного глагольной основой. Примечательно, что некоторые наши консультанты допускают предложения, в которых личные показатели в результативной конструкции крепятся к именным группам, зависимым от формы на *-i* (34a), и предложения, где такие зависимые вынесены в конец и не образуют с формами на *-i* линейно неразрывную группу (34b):

- (34) a. *čur* *χod-aχun=e* *ваč:I-ec-i* *bak-sa*
 корова дерево-ABL=3SG быть.связанным-LV-*i* быть-PRS
 b. *čur* *ваč:I-ec-i-ne* *bak-sa* *χod-aχun*
 корова быть.связанным-LV-*i*=3SG быть-PRS дерево-ABL
Корова привязана к дереву.

Оба эти факта демонстрируют, что форма на *-i* в описываемой конструкции не может возглавлять относительную предикацию. Очевидно, что эта конструкция не может быть эквативной¹⁴.

¹⁴ В настоящей эквативной конструкции с бытийным глаголом может участвовать одна форма *uβ-i* 'пьяный', формально анализируемая как [пить-*i*]:

- (i) *sa* *amdar* *jaq:-en* *ta-ne-sa,*
 один человек дорога-ERG уходить=3SG=ST+PRS
šon-o *ba-ne-k-sa* *uβi*
 DIST-NA быть=3SG=ST-PRS пьяный
Один человек идет по дороге, он пьян.

На то, что вторая предикация в (i) представляет собой эквативное предложение, указывает, в частности, то, что подлежащее в нем стоит в абсолютном падеже (глагол *uβ-es* 'пить' является переходным и требует эргативного подлежащего, а значит, в (i) он не управляет субъектом). Вместе с тем, *uβi* не образует здесь относительную предикацию: при нем не выражается объект. Кроме того, это слово не обязано иметь референцию к про-

Таким образом, результативная конструкция не свидетельствует в пользу синхронного существования категории причастия в удинском языке. С диахронической точки зрения, происхождение результативной конструкции из конструкции с причастием в роли присвяточного дополнения представимо, но в общелезгинском контексте более вероятным кажется другой путь грамматикализации. Дело в том, что во многих лезгинских языках результативная конструкция включает деепричастие совершенного вида в сочетании с бытийным глаголом; ср. пример (35) из агульского языка:

(35) Агульский язык [Мерданова 2004: 89]

пек: **ux-u-na-a**
молоко пить-PRF-CONV-быть
Молоко выпито. (Букв.: Молоко выпив, есть.)

В разд. 6.3 будет показано, что форма на *-i* в удинском языке тоже обладает деепричастной функцией. Поэтому вполне возможно, что рассмотренная результативная конструкция, вообще говоря, никогда и не основывалась на построении с причастием, а лишь следовала модели, более характерной для лезгинских языков.

3.5. Тип отрицания

Глагольная форма с суффиксом *-ala* в независимом предложении сочетается как с «обычным» отрицательным маркером *te* (36), так и с проклитикой *ni-*, нетипичной для независимых предложений, но наблюдаемой, в частности, в релятивных предикациях (37)¹⁵:

шедшему времени даже вне конструкции с бытийным глаголом; так, оно может сочетаться с наречиями вроде ‘всегда’:

(ii) *ʃon-o hämišä ulvi-ne*
DIST-NA всегда пьяный=3SG
Он всегда пьян.

По-видимому, *ulvi* должно описываться как лексикализованное прилагательное ‘пьяный’, синхронно не являющееся формой глагола ‘пить’.

¹⁵ Согласно [Nagis 2000: 606; 2002: 96—97], в варташенском диалекте тоже наблюдается со сказуемыми, маркированными суффиксом *-al*.

(36) va kul-amci: **bar-k:-ala** te-zu
 ты:DAT рука-пустой пускать-LV-*ala* NEG=1SG
Я тебя не оставлю с пустыми руками. [Кечаари 1996: 69]

(37) bava k:oj-a **nu-tax-ala-ne**
 отец дом-DAT NEG=уходить-*ala*=3SG
Отец не должен идти (= должен не идти) домой.

Глядя на (37), можно было бы предположить, что перед нами — причастие, возглавляющее «безвершинную» относительную предикацию и противопоставленное финитной форме в (36). В пользу этой гипотезы говорит то, что расположение личных показателей на зависимых глагола в данной конструкции, по-видимому, нежелательно (хотя и не отвергается целиком):

(38) a. ??dost:-a zu **tängä-z** nu-tad-ala
 друг-DAT я деньги=1SG NEG=давать-*ala*
 b. dost:-a zu **tängä** nu-tad-ala-z
 друг-DAT я деньги NEG=давать-*ala*=1SG
Другу я не должен отдать деньги.

Если глагол в этой конструкции действительно представляет собой причастие, это ограничение легко объясняется тем, что личные показатели не могут располагаться на группах, зависимых от причастия.

Применение прочих тестов на то, возглавляет ли глагол относительную предикацию, дает, однако, другой результат. Именные группы, зависимые от глагола, могут следовать за сказуемым, что в относительных предикациях запрещено:

(39) dost:-a zu nu-tad-ala-z **tängä**
 друг-DAT я NEG=давать-*ala*=1SG деньги
Другу я не должен отдать деньги.

В конструкции с препозитивным отрицанием может не быть (и не предполагаться) абсолютивной именной группы:

(40) bul-a iz k:onžluc-on nu-eIχ-t:-ala-ne.
 голова-DAT свой хозяин-ERG NEG=брать-LV-*ala*=3SG
Хозяин голову не должен забирать.

Таким образом, падежное маркирование актантов показывает, что эта конструкция не обязательно является непереходной. Следова-

тельно, ее нельзя представить в качестве эквативного предложения с относительной предикацией, выступающей в качестве дополнения (нулевой) связки.

Наконец, и в этом случае наблюдается несоответствие семантики предполагаемой структуре. Конструкция с отрицанием *ni-* в сочетании с формой на *-ala* вне относительной предикации обязательно получает значение долженствования, обычное для независимых употреблений этой формы, но нетипичное для релятивных. Поэтому хочется думать, что использование отрицательной проклитики *ni-* в рассмотренных примерах обусловлено не синтаксической категорией сказуемого, а другими факторами (ср. [Майсак, в печати]).

3.6. Некоторые выводы

Из сказанного выше не следует, что описания удинского языка, в котором противопоставлены омонимичные «причастные» и «финитные» формы, не могут отвечать действительному положению вещей. Вместе с тем, единственный аргумент за такое противопоставление — разница в семантической дистрибуции. Очевидно, любой подход, который преодолевает это препятствие, с точки зрения описания должен получать первенство.

Кроме того, мы видели, что формы на *-i* и *-ala* появляются и в ряде других построений, где они только на первый взгляд могут трактоваться как причастия. Безусловное сходство некоторых из этих конструкций с «финитными» (обнаруживающееся в первую очередь в плане семантики) делает еще более зыбкой границу между разными синтаксическими употреблениями и, думается, дает фору подходам, которые не противопоставляют формы в разных контекстах. Такие подходы рассматриваются в следующих двух разделах.

4. Причастия в независимых предложениях?

4.1. Способны ли причастия быть сказуемыми

Другой подход к проблеме тождественного маркирования сказуемых относительных предикаций и (некоторых) независимых предложений основан на гипотезе, согласно которой формы на *-i*

и *-ala*, наблюдаемые в независимых предложениях, сами представляют собой причастия.

Допущение, что некоторые формы, которые внешне возглавляют независимые предложения, являются причастиями, само по себе не нелепо. Подобные конструкции встречаются в самых разных нахско-дагестанских языках. Так, например, согласно [Кибрик, Тестелец (ред.) 1999] (см. также [Kalinina, Sumbatova 2007]), в цахурском языке глаголы имеют специальную атрибутивную репрезентацию, маркируемую суффиксами, которые одновременно выражают согласование с определяемым именем по классу, числу и падежу. При этом атрибутивная форма порою функционирует и как независимое сказуемое (тогда поверхностным контролером атрибутивного согласования выступает абсолютная именная группа, хотя эта конструкция может трактоваться и иначе, как включающая нулевую вершину при атрибутивной форме). Ср. следующий пример, в котором представлены оба употребления атрибутивной репрезентации — атрибутив *aliwχin* возглавляет относительную предикацию, а аналогичная форма *gažijn* выступает в качестве сказуемого всего предложения (римские цифры в цахурском примере указывают на именные классы):

(41) Цахурский язык [Калинина, Толдова 1999: 123]

ałi **gaž-i-jn** [či-l uva šit'
Али IV.видеть-PRF-ATR: IV сам.О:N-SUP над птица.III

ali-w-χ-in ganz
III=взлетать.PRF-ATR:IV большой.камень.IV

Али увидел скалу, над которой летела птица.

Далее мы обсудим, не имеет ли место нечто подобное и в удинском языке.

4.2. Финитные формы, образованные от причастий?

Отчасти такая интерпретация представлена уже в первых грамматических описаниях удинского языка А. Шифнера и А. Дирра, для которых будущее I время на *-al* образуется на основе причастия [Schiefner 1863: 27; Дирр 1903: 59]. В дальнейшем того же подхода придерживались В. Панчвидзе [1948; 1974] и В. Гукасян [1974], которые эксплицитно распространили его и на формы с суффиксом *-i*.

Для них глагольные формы на *-i* и *-al*¹⁶ в независимом предложении образованы от причастий добавлением личных показателей.

Скорее всего в перечисленных работах имелся в виду исключительно морфологический аспект вопроса. Но описанная там картина неадекватна уже потому, что личные показатели не обязательно располагаются на глагольных формах; ср. разд. 2.3, а также пример (42), где личный показатель крепится к подлежащему:

- (42) sa čoval-e har-i
 один воробей=3SG приходить-*i*
 Пришел один воробей.

Таким образом, даже если бы причастия действительно выступали в качестве независимых сказуемых, это нельзя было бы связывать с какой-либо формообразующей функцией личных показателей. Впрочем, как мы увидим ниже, семантические и синтаксические характеристики рассматриваемых конструкций противоречат обсуждаемому подходу в не меньшей степени.

4.3. Семантические противоречия

С точки зрения семантики, неясно, почему в функции независимых сказуемых у причастий сужается видо-временное значение (напомним: в зоне прошедшего времени показатель *-i* оказывается противопоставлен перфекту, а показатели *-al* и *-ala* более не способны передавать семантику настоящего времени).

Кроме того, в других нахско-дагестанских языках использование причастий в качестве (предполагаемых) независимых сказуемых, как правило, является маркированным с точки зрения семантики и/или коммуникативной структуры высказывания: причастия несут данную или фоновую информацию (см., в частности, [Калинина 1999; 2001; Калинина, Толдова 1999; Kazenin 2002; Kalinina, Sumbatova 2007]). Это отвечает представлению о том, что прототипические относительные предикации выражают фоновую информацию [Schachter 1975].

¹⁶ В большей части описаний удинского языка в первую очередь привлекались данные варташенского диалекта, так что в качестве основного показателя причастий не прошедшего времени выбирался не *-ala*, а *-al*.

Между тем, сказуемые, оформленные интересующими нас суффиксами, не обнаруживают никаких аналогичных оттенков и вполне интегрированы в видо-временную парадигму (возможно, за исключением форм будущего II с их специфической семантикой долженствования). Следует признать, что семантика независимых употреблений форм на *-i*, *-al* и *-ala* не согласуется с идеей, что в этом случае в предложении тоже выступают причастия.

4.4. Предикации с «причастиями» — не эквативные предложения

Коль скоро главные глаголы с суффиксами *-i*, *-ala* и *-al* — причастия, т. е. формы, возглавляющие относительные предикации, то высказывания с ними должны иметь эквативную структуру, аналогичную той, что предлагалась (и отвергалась) для ряда построений в предыдущем разделе. Другими словами, предложения вроде (42) должны буквально интерпретироваться как 'Один воробей есть пришедший'. Оценим такую интерпретацию с точки зрения предложенных выше критериев определения относительной конструкции и эквативных предложений.

Порядок слов в удинских предложениях противоречит этой интерпретации. Если бы простые предложения со сказуемыми, маркированными суффиксами *-i*, *-al* или *-ala*, представляли собой эквативные предложения с «безвершинной» относительной предикацией в качестве присвяточного дополнения, любые компоненты высказывания, синтаксически зависимые от причастия, должны бы были ему предшествовать. Однако это не так: в (43) дативная именная группа *vnuk:ov ajrap:ort-a*, зависимая от формы на *-i*, следует за своей синтаксической вершиной.

- (43) *cir-i-z* ***vnuk:ov ajrap:ort-a***
спускаться-*i*=1SG Внуково аэропорт-DAT
Вышел я в аэропорту Внуково.

Положение личных показателей тоже не согласуется с гипотезой, согласно которой они не должны крепиться к зависимым «причастиям» — форм на *-i*, *-al* или *-ala*. Хотя — как показано в [Harris 2002] — эти ожидания оправданы для предложений с глаголами,

маркированными показателем будущего I *-al* (44), примеры (45)—(46) демонстрируют, что в предложениях с глаголами, маркированными *-i* и *-ala*, личные показатели могут крепиться к зависимым сказуемым:

(44) č:ajin-e-al dukän-äχun haq:-al=nu
масло-DAT=ADD магазин-ABL брать-*al*=2SG
Но масло будешь покупать в магазине.

(45) lap buruv-oj döš-ö-**jan** tac-i boIq:-ejnak:
точно гора-GEN склон-DAT=1PL уходить-*i* свинья-BEN
Прямо у подножия горы мы пошли за кабаном.

(46) dost:-a zu tängä-z nu-tad-ala
друг-DAT я деньги=1SG NEG=давать-*ala*
Другу я не должен отдать деньги.

С эквативным представлением не согласуется и падежное маркирование. Напомним, что в эквативном предложении подлежащее должно стоять в абсолютном падеже. Но в удинском языке допустимы и предложения с формами на *-i*, *-al* и *-ala*, в которых все актанты являются неабсолютивными; ср. (40), а также:

(47) čoban-en t:üt:t:äj-ä far-e-p-i, te išq:ar-en
пастух-ERG свирель-DAT играть=3SG=LV-*i* DIST мужчина-ERG
bur-e-q-i äči-p-s-a
начинать=3SG=ST-*i* танцевать-LV-INF-DAT
Пастух заиграл на свирели, а тот мужик начал танцевать.

(48) za šuje-nvo-n uk-al-e
я:DAT медведь-PL-ERG есть-*al*=3SG
Меня медведи съедят.

Таким образом, гипотеза о том, что в таких предложениях в позиции сказуемого выступают причастия, оказывается неприемлема¹⁷.

¹⁷ Вместе с тем, нельзя исключить возможного причастного происхождения соответствующих базовых форм (см. обсуждение в [Harris 2002; Майсак, наст. сб. 2]).

5. Некатегориальное подчинение?

5.1. Базовые формы в относительных предикациях?

Наконец, можно предположить, что в относительных предикациях специальные формы глагола не используются, а формы сказуемого представляют собой обычные базовые формы. Такой подход ставит несколько вопросов:

- Почему в относительных предикациях употребляются только формы на *-i* и *-ala* и не встречаются другие парадигматически сопоставимые глагольные формы и почему указанные маркеры в относительных предикациях получают значения более широкие, чем в независимых предложениях?
- Каким образом относительная предикация маркируется как относительная?

5.2. Нейтрализация видо-временных противопоставлений

С типологической точки зрения ответ на первый вопрос очевиден. Известно, что в относительных предикациях, как и в других типах подчиненных предикаций, нередко наблюдается редукция видо-временной системы (см. [Lehmann 1984; Keenan 1985: 160; Cristofaro 2003]): некоторые (а порой и все) видо-временные противопоставления могут нейтрализовываться. Независимо от трактовки оформления сказуемого, это действительно наблюдается в удинских относительных предикациях, где противопоставление между по меньшей мере семью видо-временными формами редуцировано до противопоставления двух форм. Именно в результате такой редукции форма на *-i* берет на себя еще выражение перфектных значений, а форма на *-ala* — значения настоящего времени, а также разнообразных футуральных значений. Следственно, то, что другие видо-временные формы не встречаются в относительных предикациях, не противоречит рассматриваемому подходу.

Любопытно, что согласно [Schulze 1982: 186; Schulze-Fürhoff 1994: 481], в варташенском диалекте встречаются и относительные предикации, включающие формы модального будущего (с суффик-

сом *-o*) и перфекта (с показателем *-e*); ср. приводимый им пример *arc-e adamar* [сидеть-PERF человек] ‘сидевший человек’. Поскольку другие авторы подобных употреблений форм перфекта и модального будущего не упоминают, а для ниджского диалекта они последовательно отвергаются, думается, что если такие конструкции существуют, они достаточно маргинальны. И все же, сам факт таких употреблений служит дополнительным аргументом за обсуждаемый подход и одновременно говорит, что нейтрализация видо-временных значений может быть вовсе не так категорична.

Впрочем, остается неясным, почему роль «заместителя» целого ряда презентно-футуральных категорий в относительных предикациях берет форма на *-ala*, периферийная в глагольной парадигме. Как кажется, решение этой проблемы следует искать в диахронии, и поэтому оно остается за рамками настоящей работы.

5.3. Маркирование функции относительных предикаций

Второй вопрос – вопрос о маркировании функций относительных предикаций — по сути уже получил ответ выше.

Подчиненный статус предикации придают, во-первых, отсутствие личных показателей и, во-вторых, нейтрализация видо-временных противопоставлений. Оба этих признака могут связываться с понятием финитности/нефинитности. При этом финитность должна полагаться не как характеристика конкретной глагольной формы (что довольно часто делается в описаниях кавказских языков), а как признак всей предикации, поскольку личные показатели не могут считаться характеристикой глагольной формы (см. разд. 2.3, 4.2). Примечательно, что подобный взгляд на финитность уже давно принят в типологии (см., в частности, обсуждение в [Bisang 2001; Калинина 2001: 26ff]).

Итак, единственным признаком подчинения относительных предикаций оказывается их нефинитность (которая не обязательно проявляется в глагольных формах), а подчинение передается исключительно негативно, через отсутствие некоторых категорий. Но нефинитность сама по себе не должна имплицировать относительную функцию. Последнюю относительным предикациям придает их вло-

женность в именную группу. На это указывает то, что они могут быть окружены другими определениями. Ср. следующие предложения, где относительные предикации обрамлены с одной стороны вершиной, а с другой — определением, указательным местоимением в (49) и порядковым числительным в (50):

(49) me [har-i] mart:e xaʃ:e bak-on
 PROX приходить-*i* март-GEN месяц=3SG быть-POT
Шел уже (букв. этот пришедший) месяц март.

(50) samʒi [zu ak:i] amdar bezi čalχal-e k:abal-in-aχun
 первый я видеть-*i* человек мой знакомый=3SG Габала-О-ABL
Первый человек, которого я увидел, был мой знакомый из Габалы.

В отсутствие определений, предшествующих относительной предикации, последняя не обнаруживает специфических свойств. Если подчинение такого типа выполняет и другие функции помимо относительной, естественно ожидать, что конструкция будет допускать несколько осмыслений. Это показывает следующий пример:

(51) p:oʒk:-in-a gir-b-i q:onʃi-n-en u-ne-k:-o-ki...
 бочка-О-DAT собирать-LV-*i* сосед-О-ERG говорить=3SG=ST-POT=COMP
 а. *Собрав бочки, сосед говорит...*
 б. *Собравший бочки сосед говорит...*

Как подробно обсуждается в разд. 3.2, в удинском языке имеется «деепричастная» конструкция, оформление которой схоже с относительной. В (51) допустимы обе интерпретации — в зависимости от того, считается ли подчиненная предикация зависимой от подлежащего или нет.

5.4. Категориальная немотивированность

Важнейшая особенность предложенного подхода состоит в том, что в соответствии с ним релятивная функция предикации не определяется категорией ее вершины, т. е. имеет место категориально немотивированное (некатегориальное) подчинение. Это расходится с зачастую принимаемой точкой зрения, согласно которой синтаксическая категория вершины уже определяет дистрибуцию возглав-

ляемой ей синтаксической группы (например, имя определяет дистрибуцию именной группы в предложении, предлог/послелог — предложной или послеложной и т. д.). Однако, как оказывается, существуют дополнительные свидетельства в пользу наличия некатегориального подчинения в удинском языке, причем касаются они употребления все тех же форм на *-i* и *-ala*, но уже вне относительных конструкций.

6. Некатегориальное подчинение вне относительных конструкций

Разумеется, ничто не мешает некатегориальному подчинению ограничиваться лишь каким-либо одним типом конструкций — но сама его природа не противоречит и использованию в конструкциях достаточно разнородных. В удинском языке действительно имеется ряд синтаксических контекстов, в которых наблюдается подчинение, аналогичное описанному выше для относительных конструкций.

6.1. Конструкция *-ala* / *-i* + ‘как’

Наиболее близким к относительной конструкции является, по-видимому, построение со служебным словом *k:inä* ‘как’, вводящим зависимую предикацию — при этом выражается либо семантика подобия, соответствия, либо значение ‘как только’:

(52) bez var-en zu äjelluv-ast:a **cam-k:-ala** **k:inä-ne**
мой сын-ERG я детство-AD писать-LV-*ala* как=3SG
cam-e
писать-LV:PRS

Мой сын пишет, как я писал в детстве.

(53) hun ko šo-t:-in **čur-ec-i** **k:inä** b-al-nu
ты MED+NA DIST-NO-ERG хотеть-LV-*i* как делать-*al*=2SG
Ты это сделаешь, как он хотел.

(54) za **ak:-ala** **k:inä** č:ap:-e-bak-i
я:DAT видеть-*ala* как прятаться=3SG=LV-*i*
Как только (он) меня увидел, спрятался.

Как показывают эти примеры, сказуемое зависимой предикации оформляется суффиксами *-i* или *-ala*¹⁸ — и кроме того, в ней отсутствуют личные показатели. В основных своих чертах данная конструкция подобна относительной.

Но в целом синтаксическая дистрибуция служебного слова *kinä* отлична от дистрибуции существительных — судя по всему, оно не изменяется по падежам и способно управлять именем в абсолютиве, что, вообще говоря, существительным не свойственно:

- (55) *taŋ-en, arc-en ist:ol-in bel, amdar kinä*
уходить-NORT сидеть-NORT стол-GEN сверху человек как
šium uk-en
хлеб есть-NORT
Пойдем сядем за стол, поедим по-человечески (букв. как человек).

Правда, существуют и свидетельства того, что *kinä* может иметь именное происхождение. Так, наш корпус содержит пример, где это служебное слово управляет именной группой в генитиве (типичном приименном падеже), хотя в этом случае речь, кажется, идет не столько об объекте сравнения, сколько о его характеристиках, что может мотивировать появление генитива:

- (56) *tevär-in kinä bur:t:un=q-sa jöni*
недавно-GEN как начинать=3PL=ST-PRS хороший
jäšajňš-s-a.
жить+LV-INF-DAT
И, как раньше, начинают они жить хорошо.

Более того, окказионально встречаются примеры, где один из семантических актантов сказуемого подчиненной предикации оформлен генитивом¹⁹:

¹⁸ Значение непосредственного предшествования ('как только'), по-видимому, появляется только с формами на *-ala*.

¹⁹ Исходное, в данном случае эргативное, но немаркированное для местоимений, оформление здесь тоже возможно: *zu uk-ala kinä bak-al-e* [я говорить-*ala* как быть-*al*=3SG].

- (57) **bez** uk:-ala kinä bak-al-e
мой говорить-*ala* как быть-*al*=3SG
Будет так, как я сказал.

Как указывалось в разд. 2, генитивное оформление одного из семантических актантов сказуемого относительной предикации вполне обычно для удинского языка. В (57) оно, казалось бы, показывает, что генитивное местоимение характеризует вершину *kinä*, а вложенная подчинительная конструкция — лишь частный случай относительной конструкции.

В этой связи полезно заметить, что в азербайджанском языке в аналогичной конструкции с послелогом *kimi* (которая могла послужить источником для удинской конструкции) наблюдаются причастия; ср.²⁰:

- (58) Азербайджанский язык [Ширалиев и др. (ред.) 1971: 166]
mən o-nun səş-in-i eşid-ən kimi tez
я DIST-GEN голос-3SG-ACC слышать-PTCP как быстро
yer-im-dən çıx-dı-m
место-1SG-ABL выходить-PST-1SG
Я быстро вышел, как только услышал его голос.

Таким образом, несмотря на то, что конструкция с *kinä* допускает описание через некатегориальное подчинение, сохраняется вероятность и того, что в ней используются формы причастий.

6.2. Конструкция с темпоральными адвербиалами

Еще одна конструкция, казалось бы, использующая формы причастий, представлена в сочетаниях зависимых предикаций с наречиями *oşa* ‘потом’ и *belşi* ‘впереди’, которые здесь имеют значения ‘после’ и ‘до’. Эта конструкция, впервые отмеченная, по-видимому, В. Панчвидзе [1948: 17; 1974: 208, 268], включает номинализованную подчиненную предикацию, маркированную аблативным падежом:

²⁰ Примеры из азербайджанского языка даются в новой азербайджанской орфографии.

- (59) **boq:oj aj-ec-i-t-uχun oša tac-i tärangi**
 тесто заквашиваться-LV-*i*-NO-ABL потом уходить-*i* хворост
e-jan-št:a
 приносить=1PL=ST+PRS
После того, как тесто подошло, идем и приносим хворост.
- (60) **ižaza tamat:a-j nu-bak-i-t-uχun oša (...)**
 разрешение тамада-GEN NEG=быть-*i*-NO-ABL потом
šuk:k:al-en dirist:uχ te=n-ne
 никто-ERG здоровье NEG=2/3SG=говорить:PRS
Пока нет разрешения от тамады, (...) никто тост не говорит.
- (61) **mo-t:ov-on ist:ol-a šlum eč-al-t-uχun bešI**
 PROX-NO-PL-ERG стол-DAT хлеб приносить-*al*-NO-ABL впереди
fi-jan uIv-sa
 вино=1PL пить-PRS
Перед тем, как они приносят на стол хлеб, мы пьем вино.

На первый взгляд, в (59)—(61) имеет смысл говорить о субстантивации причастия; ср. эти примеры с аналогичной конструкцией, безусловно включающей относительную предикацию²¹:

- (62) **šo-t:-in äjäq:-i k:amp:ot:-a [šlum eč-al-t:-aj]**
 DIST-NO-ERG стакан-GEN компот-DAT хлеб приносить-*al*-NO-GEN
bešI-e laχ-i
 впереди=3SG класть.сверху-*i*
Он поставил стакан с компотом перед тем, кто приносил хлеб.

Более того, как и обсуждавшееся выше сочетание форм на *-i* и *-ala* с *k:nä*, эта конструкция с большой вероятностью является калькой сходной азербайджанской конструкции, в которой обнаруживаются как раз причастия; ср.:

- (63) Азербайджанский язык [Ширалиев и др. (ред.) 1971: 161]
konsert qurtar-an-dan sonra qız-lar çay iç-ib
 концерт заканчивать-PTCP-ABL потом девушка-PL чай пить-CNV

²¹ Стоит заметить, что в (62), в отличие от (61), номинализованная относительная предикация оформлена генитивом, как это обычно и бывает в сочетаниях с *bešI* 'впереди', употребляемым в буквальном значении.

çörək ye-di-lər, yenə də iş-ə başla-dı-lar
 хлеб есть-PST-PL снова ADD работа-DAT начинать-PST-PL

После окончания концерта девушки попили чай, поели и опять приступили к работе.

Можно было бы предположить, что в (59)—(61) суффиксы *-i* и *-ala* выбираются именно потому, что они маркируют причастия, а исходная конструкция требует употребления причастий. Но тогда не ясно, что описывается относительными предикациями, возглавляемыми этими причастиями. Ответ на этот вопрос могут дать примеры вроде (64), где в аналогичной конструкции на месте зависимой предикации выступает именная группа, описывающая ситуацию:

(64) **me nišlan-aχun oša** ja-st:a bak-e-ne parça
 PROX обручение-ABL потом мы-AD быть-PERF=3SG ткань
bost:un
 отрезать+MSD

После обручения у нас бывало отрезание ткани.

Очевидно, в примерах вроде (59)—(61) зависимая предикация тоже указывает на ситуацию.

В принципе, во многих языках кавказского ареала формы, функционирующие как причастия, действительно могут описывать ситуацию или факт ее существования; ср. следующий агульский пример (в агульском языке в качестве причастий могут выступать основы, содержащие только видовой суффикс; e.g., *qaj-i* [приходить-PRF] ‘пришедший’):

(65) Агульский язык [Мерданова 2004: 141]
 za-s на-a ge **qaj-i-f**
 я-DAT знать-PRS DIST приходить-PRF-NA

Я знаю, что он пришел.

Однако удинскому языку такие конструкции не свойственны. Например, предложения, аналогичные (65), в удинском языке задействуют подчинительную частицу *ki* (66a)—(66b), а использование в этом контексте форм, аналогичных представленным в (59)—(61), невозможно (66c)—(66d):

(66) a. ava-zu=ki šo ev-al=e
 знающий=1SG=COMP DIST+NA приходить-al=3SG

- b. *ava-zu=ki* *šo* *ев-ала-не*
 знающий=1SG=COMP DIST+NA *приходить-ала=3SG*
- c. **ava-zu* *šo* *ев-ал-т-и*
 знающий=1SG=COMP DIST+NA *приходить-ал-NO-DAT*
- d. **ava-zu* *šo* *ев-ал-о*
 знающий=1SG=COMP DIST+NA *приходить-ал-NO-DAT*

Я знаю, что он придет.

Поскольку удинские относительные конструкции, как видно, не могут иметь референцию к ситуации, субстантивированные предикации в рассматриваемой конструкции не являют собой разновидность относительной конструкции — а следовательно, их сказуемые не могут трактоваться как причастия²².

С другой стороны, если речь идет лишь о немаркированном подчинении, конструкция, представленная в (59)—(61), оказывается вполне естественной. Подчиненность предикации в этих примерах, как и в относительной конструкции, выражается в ее нефинитности и номинализации (обусловленной необходимостью маркирования падежа и, возможно, являющейся результатом калькирования аналогичной азербайджанской конструкции), а выбор глагольных форм связан лишь с редукцией видо-временных противопоставлений, но не с их синтаксическим классом²³.

6.3. «Деепричастные» конструкции

Крайне частотное употребление форм с суффиксом *-i*, связано с так называемыми «деепричастными» конструкциями, обычно выражающими последовательность событий:

- (67) *gir-ec-i* *čoval-a* *šär:=t:un=c-i*
 собираться-LV-*i* воробей-DAT гнать=3PL=LV-*i*
Собравшись, они прогнали воробья.

²² Другие конструкции с придаточными дополнительными в удинском языке включают формы масдара и инфинитива. Единственное известное исключение, где встречается форма на *-i*, обсуждается ниже в разд. 6.4.

²³ Заметим в связи с этим, что субстантивирующие суффиксы в удинском языке встречаются не только при основах, в норме образующих определения, но и при основах адвербиалов; ср. *hajsä-t-in* [сейчас-NO-GEN] 'нынешний'. Соответственно, нет оснований считать, что субстантивация возможна только при ограниченном синтаксическом классе причастий.

(68) **ši-n** **čur-e-sa** **buj-b-i-ne** **uɫʷ-sa**
 кто-ERG хотеть=3SG=LV+PRS наполнять-LV-*i*=3SG пить-PRS
Кто хочет, наливает и пьет.

(69) **čur-a** **tašer-i** **bazar-e,**
 корова-DAT уводить-*i* базар-DAT
zu **gär-b-e-z** **naχir-a**
 я смешивать-LV-PERF=1SG стадо-DAT
Корову я сводил на базар, (а потом) впустил ее в стадо.

В норме подобные подчиненные предикации предшествуют главному глаголу. Предложения с обратным порядком хотя и не отвергаются, но признаются неестественными:

(70)⁷⁷ **koj-a** **tac-e-ne** **äči-p-i**
 дом-DAT уходить-PERF=3SG танцевать-LV-*i*
(Он) пошел домой, потанцевав.

Зависимые предикации, представленные в (67)—(69), схожи с относительными предикациями: они являются нефинитными, поскольку в них допустима только одна видо-временная форма и отсутствуют личные показатели (в редких случаях, как в (68), личные показатели главо́й предикации могут крепиться к конечному сказуемому деепричастного оборота, но внутри этой предикации они располагаться не могут). С другой стороны, как показывает пример (69), на них не распространяется требование конечного расположения сказуемого, действующее в относительных предикациях.

С синхронной точки зрения то, что в данной конструкции не используются показатели, жестко определяющие функцию предикации, естественно. По сравнению со многими другими подчинительными конструкциями она является функционально немаркированной (ср. [Джейранишвили 1971: 300]). На отсутствие строгой семантической спецификации указывает то, что хотя данная конструкция наиболее часто выражает предшествование одной ситуации другой, встречаются и сочетания, в которых это значение не обязательно; ср.:

(71) **jan** **mija** **käj** **uɫʷ-e-jan**
 мы PLOC есть+*i* пить-PERF=1PL
Мы здесь поели-попили.

- (72) me iŝq:ar hajzer-i qaj-baj
 PROX мужчина вставать-*i* возвращаться-LV+*i*
 ta-ne-sa iz koj-a
 уходить=3SG=ST+PRS свой дом-DAT

Мужик встает и идет назад (букв. возвращаясь, идет) домой.

В [Майсак, наст. сб.₁] выдвинута гипотеза о происхождении из «деепричастной» конструкции финитной формы прошедшего времени. Возможно, с этой же конструкцией можно связать и употребление форм на *-i* в относительных предикациях. В пользу этого говорит и то, что обычно употребление «деепричастной» конструкции предполагает кореферентность отдельных участников ситуаций, описываемых главной и зависимой предикациями (при том, что такая кореферентность для относительных конструкций обязательна). Наконец, из той же «деепричастной» конструкции, по-видимому, развилась и особая конструкция с глаголами завершения действия (см. разд. 6.4).

Разумеется, сама вероятность такого развития может связываться с тем, что употребление формы на *-i* не ограничивалось контекстом обстоятельственного подчинения.

6.4. Конструкция *-i* + ‘заканчивать’

Среди конструкций, использующих форму на *-i*, особняком стоят сочетания этих форм с глаголами ‘заканчивать’:

- (73) düz-e, zu uže k:al-p-i čär-es-sa-j
 правильный=3SG я уже учиться-LV-*i* заканчивать=1SG=ST+PRS=PST
Правда, я уже закончивал учиться.
- (74) ŝlar-p-i but:-jan:k-sa, oša boq:oj-al
 месить-LV-*i* заканчивать=1PL=LV-PRS потом тесто=ADD
 aj=e-sa
 заквашивать=3SG=LV+PRS
Заканчиваем месить, тогда и тесто подходит.

Судя по всему, предком данной конструкции явилась «деепричастная» конструкция, описанная выше. В пользу этого говорит то, что во многих других лезгинских языках, а также в азербайджанском языке, оказавшем на лезгинские языки большое влияние, глаголы завершения действия присоединяют как раз деепричастные предикации; ср.:

(75) Крызский язык [Authier, forthc. 1]

č'in **v-ar-ži** azar hi-žib
танец(F) F-делать-CNV законченный быть-AOR:H:PL

Они кончили танцевать.

(76) Азербайджанский язык [Ширалиев и др. (ред.) 1971: 166]

mən kitab-ı **yaz-ıb** qurtar-dı-m
я книга-ACC писать-CNV заканчивать-PST-1SG

Я закончил(а) писать книгу.

Интересно, что в удинской конструкции зависимая предикация с легкостью может располагаться после главного глагола:

(77) zu čär-es-sa=j **k:al-p-i**
я заканчивать=1SG=ST+PRS=PST учиться-LV-ı

Я закончивал учиться.

Таким образом, конструкция с глаголами завершения сейчас уже представляет собой отдельный формальный тип, отличный от деепричастной конструкции. Думается, что возможность возникновения такой структуры связана как раз с тем, что исходная для нее конструкция была функционально неспецифицирована (или по крайней мере специфицирована в очень небольшой степени) в сравнении с другими подчинительными конструкциями.

7. Заключение

Выше были рассмотрены три подхода к проблеме тождественного маркирования сказуемых относительных и независимых предикаций в удинском языке.

Как было показано, подход, подразумевающий жесткую связь между глагольной формой и типом возглавляемой ею предикации способен объяснить функционирование глагольных форм лишь за счет неэкономичного постулирования нескольких омонимичных / гетеросемичных единиц. Единственным серьезным аргументом в пользу такого описания является разный семантический вклад суффиксов *-i* и *-ala* в относительных конструкциях и в независимых предложениях.

С другой стороны, подход, предполагающий интерпретацию некоторых форм в независимых предложениях как причастий и объясняющий этим совпадение форм релятивных и независимых сказуемых, не согласуется с фактами удинского языка — по крайней мере, если термин «причастие» понимается достаточно строго, как указывающий на форму, в норме образующую относительную предикацию.

Как кажется, наиболее типологически и теоретически адекватен третий подход, согласно которому в роли релятивных и независимых сказуемых выступают одни и те же формы, принадлежащие базовой парадигме; другими словами, в ниджском удинском отсутствуют формы, специализирующиеся на функции релятивного сказуемого. Тогда «изменение» семантики маркеров *-i* и *-ala* в относительных конструкциях объясняется ожидаемой для таких построений нейтрализацией видо-временных противопоставлений, а собственно подчинение выражается тем, что вся предикация (но не ее вершина!) проявляет свойства нефинитной. Тем самым удинская относительная конструкция служит примером некатегориального подчинения — подчинения, не мотивированного синтаксической категорией вершины. Важно, что такой подход позволяет связать относительную конструкцию с рядом других структур (см. раздел 6).

В настоящей работе вопрос о тождественном маркировании релятивных и независимых сказуемых рассматривался исключительно с синхронной точки зрения. Тем не менее интересно, что обсуждавшиеся подходы, по-видимому, в какой-то степени отражают эволюцию удинского языка. Исходя из общих представлений о формировании глагольной системы нахско-дагестанских языков и из наблюдений в области диахронической типологии, можно предположить, что так называемые «базовые» формы на *-i* и *-ala* ранее служили вершинами подчиненных предикаций (ср. [Майсак, наст. сб. 1; наст. сб. 2]). Далее в какой-то момент должна была иметь место ситуация, близкая к той, что предлагается подходом, позволяющим причастиям возглавлять независимые предложения.

Следы этого сохраняются и сейчас. Фактически относительная конструкция (как и некоторые другие подчинительные конструкции)

в удинском языке выделяется негативно, за счет отсутствия выражения определенных грамматических значений. Таким образом, независимые предикации предстают в виде более сложных, формально маркированных конструкций — по сравнению с подчиненными. Это укладывается в гипотезу об исконности подчиненных употреблений некоторых форм и производности независимых предложений с этими формами от сложных построений, включающих подчиненные предикации.

Дальнейшее переосмысление сложных конструкций как финитных допускает стадию, когда система причастий, не обязательно состоящая из форм, совпадающих с базовыми, противопоставляется системе финитных форм — в соответствии с первым из обсуждавшихся подходов. И лишь затем возникает картина вроде той, что обрисована выше для ниджского диалекта удинского языка.

Впрочем, и такая система не обязательно устойчива. Например, известно, что в варташенском диалекте формы перфекта в независимом предложении постепенно замещают «аористные» формы на *-i*, что в особенности заметно в говоре села Октомбери (Зинобиани) [Harris 2002: 207]. В результате относительные конструкции с некатегориальным подчинением и формами на *-i* (теперь в меньшей степени ожидаемыми в независимых предложениях) оказываются не укладываемыми в систему. Это, вероятно, способствует (наряду с влиянием других языков, в первую очередь грузинского) распространению нетипичных для нахско-дагестанских языков конструкций с относительными местоимениями; ср.:

(78) Варташенский диалект удинского языка (говор Зинобиани)

adamar šu-χo:t:e zu äš-zu aq:-e
человек кто-ABL=COMP я яблоко=1SG брать-PERF
человек, у которого я взял яблоко

В типологической перспективе некатегориальное подчинение в относительных конструкциях встречается и в других языках — хотя для конструкций, где релятивная предикация предшествует определяемому имени, оно действительно довольно редко. Из языков с некатегориальным подчинением препозитивных относительных

предикаций особо известен японский язык, где формы независимого и релятивного сказуемого совпадают практически всегда:

(79) Японский язык [Алпатов и др. 2008: 283]

- a. *kodomo ga niwa de ason-da*
ребенок NOM двор INS играть-PST
Ребенок играл во дворе.
- b. *kodomo ga ason-da niwa*
ребенок NOM играть-PST двор
двор, в котором играл ребенок

То же явление обнаруживается и среди северокавказских языков. Так, в адыгейском языке хотя сказуемые относительных предикаций и независимых предложений могут отличаться по некоторым формальным признакам, эти признаки не указывают на форму релятивных сказуемых как на противопоставленные независимым сказуемым (см. [Ландер 2005]) — и зачастую реальные формы сказуемых в независимых и относительных предложениях совпадают:

(80) Адыгейский язык

- a. *se wəne-r s-лєк_wə-вє*
я дом-ABS 1SG-видеть-PST
Я увидел дом.
- b. [*se s-лєк_wə-вє*] *wəne-r*
я 1SG-видеть-PST дом-ABS
дом, который я увидел

Интересно, что во всех известных автору языках с таким некатегориальным подчинением оно либо синхронно, либо диахронически, по-видимому, связано с использованием в независимых предложениях форм, основная функция которых состоит в образовании относительных предикаций. Так, в японском языке нынешняя ситуация в значительной степени обусловлена экспансией определительной (причастной) формы глагола в независимое предложение. В адыгейском же языке многие типы простых предложений до сих пор могут представляться как эквативные, где сказуемое на деле образует именную группу. Существенно, что языки, в которых совпадает оформление сказуемых препозитивных относительных предикаций

и независимых сказуемых отличаются возможностью отсутствия выраженной связки в предложениях с именными предикатами. Это сглаживает противопоставление именных и глагольных сказуемых и может способствовать переосмыслению первых в качестве вторых.

Удинский язык вполне подходит под этот языковой тип, и поэтому нет оснований считать, что возникновение в нем некатегориального подчинения представляет собой нечто уникальное.

Обозначения

-	морфемная граница	IMP	императив
=	граница с клитикой или личным показателем	INF	инфинитив
:	кумуляция	INS	инструменталис
+	стяжение морфем	LV	служебный глагол
1, 2, 3	лицо	MED	средний демонстратив
ABL	аблатив	MSD	масдар
ABS	абсолютив	N	неодушевленность
ACC	аккузатив	NA	субстантиватор (абсолютив)
AD	адэссив	NEG	отрицание
ADD	частица 'тоже, даже'	NO	субстантиватор (косвенная основа)
AOR	аорист	NOM	номинатив
ATR	атрибутив	O	косвенная основа
BEN	бенефактив	PERF	перфект
CNV	деепричастный показатель	PERF2	перфект II
COMP	подчинительный союз	PL	множественное число
COND	кондиционал	PRS	презенс
COP	связка	PST	прошедшее время
DAT	датив	PTCP	причастие
DIST	дальний демонстратив	SG	единственное число
ERG	эргатив	ST	отделяемая часть глагольной основы
F	женский класс	SUP	суперлатив
GEN	генитив		
H	класс людей		
HORT	гортатив		

Литература

- Алпатов В. М., Аркадьев П. М., Подлеская В. И. Теоретическая грамматика японского языка. Кн. 2. М., 2008.
- Гукасян В. Л. Краткий очерк грамматики удинского языка // Гукасян В. Л. Удинско-азербайджанско-русский словарь. Баку, 1974.
- Джейранишвили Е. Ф. 1971. Удинский язык. Грамматика. Хрестоматия. Словарь. [На груз. яз. с резюме на русск. яз.] Тбилиси, 1971.
- Дирр А. М. Грамматика удинского языка. Тифлис, 1903.
- Калинина Е. Ю. Об омонимии и инвариантах // Рахилина Е. В., Тестелец Я. Г. (ред.) Типология и теория языка: От описания к объяснению. К 60-летию А. Е. Кибрика. М., 1999.
- Калинина Е. Ю. Нефинитные сказуемые в независимом предложении. М., 2001.
- Калинина Е. Ю., Толдова С. Ю. Атрибутивизация // Кибрик, Тестелец (ред.) 1999. С. 377—419.
- Кечаари Ж. (сост.) Нана очьал. Шеирхо, гьекйаьтхо, драма. Баку, 1996.
- Кибрик А. Е., Тестелец Я. Г. (ред.) Элементы цахурского языка в типологическом освещении. М., 1999.
- Ландер Ю. А. О маркированности адыгейского «причастного» показателя -ге: упражнения в дискурсивных обоснованиях // Четвертая типологическая школа: Международная школа по лингвистической типологии и антропологии. Ереван, 21—28 сентября 2005 г. Материалы лекций и семинаров. М., 2005.
- Майсак Т. А. Глагольная парадигма удинского языка (ниджский диалект) // Наст. сб. 1.
- Майсак Т. А. Семантика и происхождение глагольных форм настоящего и будущего времени в удинском языке // Наст. сб. 2.
- Майсак Т. А. Синтаксис и семантика в распределении показателей отрицания (на материале удинского языка) // Арутюнова Н. Д. (ред.) Логический анализ языка. Ассерция и негация. М. В печати.
- Мерданова С. Р. Морфология и грамматическая семантика агульского языка (на материале хпюкского говора). М., 2004
- Панчвидзе В. Н. Грамматический анализ удинского языка. Автореф. дисс. ... д. филол. наук. Тбилиси: Тбилисский государственный университет, 1948.
- Панчвидзе В. Н. Грамматический анализ удинского языка. [На груз. яз. с резюме на русск. яз.] Тбилиси, 1974.
- Ширалиев М. Ш. и др. (ред.) Грамматика азербайджанского языка (фонетика, морфология и синтаксис). Баку, 1971.

- Authier G. Elements de grammaire kryz (langue caucasique d'Azerbaïdjan, dialecte d'Alik). Paris. Forthc.1.
- Authier G. Finite and non-finite: the verb stems of Budugh // Bril I. (ed.) Clause Hierarchy and Clause-linking. Amsterdam, Philadelphia. Forthc.2.
- Bisang W. Finite vs. non finite languages // Haspelmath M. et al. (eds) Language Typology and Language Universals. Vol. 2. Berlin, N. Y., 2001.
- Comrie B., Polinsky M. Form and function in syntax: Relative clauses in Tsez // Darnell M. et al. (eds) Functionalism and Formalism in Linguistics. Amsterdam, Philadelphia, 1999.
- Creissels D. Finiteness in Akhvakh, and the notion of participle. Paper presented at the International workshop "Morphosyntax of Caucasian languages", Paris, December 2006.
- Cristofaro S. Subordination. Oxford, 2003.
- Ganenkov D., Lander Yu., Maisak T. From interrogatives to placeholders in Udi and Agul spontaneous narratives // Amiridze N. et al. (eds) Fillers, Pauses, and Placeholders.
- Harris A. C. Where in the word is the Udi clitic? // Language 76:3, 2000.
- Harris A. C. Endoclititics and the Origins of Udi Morphosyntax. Oxford, 2002.
- Kalinina E., Sumbatova N. Clause structure and verbal forms in Nakh-Daghestanian languages // Nikolaeva I. (ed.) Finiteness. Theoretical and Empirical Foundations. Oxford, 2007.
- Kazenin K. I. Focus in Daghestanian and word order typology // Linguistic Typology 6:3, 2002.
- Keçaari K. Orayin. Bakı, 2001.
- Keenan E. L. Relative clauses // Shopen T. (ed.) Language Typology and Syntactic Description. Vol. II: Complex constructions. Cambridge, 1985.
- Lander Yu. A. The "adrelative" genitive in Udi: syntactic borrowing plus reanalysis. In prep.
- Lehmann C. Der Relativsatz. Typologie seiner Strukturen, Theorie seiner Funktionen, Kompendium seiner Grammatik. Tübingen, 1984.
- Schachter P. Focus and relativization // Language 49:1, 1975.
- Schiefner A. Versuch über die Sprache der Uden. St. Petersburg, 1863.
- Schulze W. Die Sprache der Uden in Nordazerbajdžan. Studien zur Synchronie und Diachronie einer süd-ostkaukasischen Sprache. Wiesbaden, 1982.
- Schulze-Fürhoff W. Udi // Smeets R. (ed.) The Indigenous Languages of the Caucasus. Vol. IV: North East Caucasian Languages. Part 2. Delmar, N. Y., 1994.